

Въ глубь тоски однообразной
Мысль моя погружена.
Мнѣ не скучно, мнѣ не грустно;
Будто роздыхъ бышія!
Но не выражить изустно,
Чѣмъ такъ смущно полонъ я.

Кн. Вяземский.

О Т ВѢТЪ.

васъ узналъ, о мой Оракулъ!
Не по узорной пестротѣ
Сихъ неподписанныхъ каракуль;
Но по веселой острогѣ,
Но по приѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшию злой
И по упрекамъ . . . споль неправымъ
И этой прелесши живой.
Съ шоской невольной, въ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ
И восклицаю съ неперѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сей часъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи—ледъ, сердца—границы;
Здѣсь нѣть ни вѣтрености милой,
Ни Музъ, ни Пр—, ни Харишъ!

Крас.

В ВЕДЕНИЕ

къ жизнеописанию Фонъ-Визина.

(*Окончаніе.*)

Замѣтительно, что сочиненія, завязавшіяся между Россію и предшественниками Европейскаго просвѣщенія, не были зачаты и продолжаемы съ общій споротъ равными договаривающимися лицами: съ одной стороны Литераторы, съ другой Дворъ и вѣльможъ. Предшественники нашей Литературы не были участниками въ дѣлѣ, которою, казалось, должно было быть ближе къ нимъ, чѣмъ къ пѣмъ, которыми были на виду. Литература и литераторы наши оспаривались въ споротѣ. Даже и въ то время, когда одинъ изъ полномочныхъ Французской Философіи, Дидро, прѣѣхалъ въ Россію, то и тутъ не послѣдовало никакого сближенія между имъ и нашими авторами. По крайней мѣрѣ не опытывась ни одного слѣда тому ни въ сочиненіяхъ Дидро, ни въ сочиненіяхъ сочиненіемъ.

Кажется, что же можно замѣтить и относительно къ пребываніямъ Альфери, Бернардин-де Сент-Пьера и другихъ извѣстныхъ писателей, посѣщавшихъ Россію въ прежніе годы. Все это подтверждаетъ доказательство, что между Литературою нашей и нашимъ общеспівомъ не было ничего взаимнаго; что на нее не дѣйствовали обыкновенные приливы и отливы общежитія; что какъ наше Русское или Азовское море чуждо сего движенія, общаго другимъ морямъ, такъ и Литература Русская, неподвергнага повсемѣстному закону, пребывавшъ до времени въ шиншилѣ бездѣйствія, спихнутое отдельною и неподвижною; что если могли мы замѣтить, какъ указали выше, нѣкоторое дѣйствіе, сошрясеніе, нѣкоторое преходчивое впечатлѣніе, произведенное общеспівомъ, или почти изключительно Дворомъ, въ явленіяхъ Литературы нашей, или вѣришь сказать, Поэзіи, то въ самомъ общеспівѣ не найдемъ мы признаковъ, что Литература общеспівная входила въ составъ гражданскаго бытия нашего, въ чи-сло богатства нашего правспівнаго состоянія. Изъ-за сакъ и означить причины явленія сего, вовлечено въ изслѣдованіе слишкомъ глубокое и многостороннее. Довольно указать на иныхъ, которыхъ болѣе другихъ на виду и едавали не богатѣе въ посѣщеніяхъ. Недостатокъ въ основательномъ учениѣ, недостатокъ въ званіи, которое по мѣсту своему въ чиноположеніи гражданскому, могло бы изключительно посвященнъ себѣ трудамъ ума и видѣло въ нихъ единую цѣль, доступную честолюбію, свойственному всѣмъ званіямъ; облазаность дворянства, болѣе, или менѣе, но вообще грамотнаго, служильщика, и алчная неперѣмѣвость бытия офицерскаго чина въ лѣпѣ, когда еще не смыло бытия слушаниемъ Университетскихъ лекцій, воіль, безъ сомнѣнія, однѣ изъ главныхъ причинъ заслугъ нашего въ явленіяхъ мысли и творческой дѣятельности. Опѣрѣ сихъ причинъ, не смотря на исполненіе движеніе, данное Россіи Петромъ, поощренное Екатериной и освѣщенное покровительствомъ Пресемниковъ ихъ, ипуть у насъ еще допѣшь Литературы испинской, полной, коренной; Литературы, которая бы была живою опиаслью Государственнаго благоденствія и непосредственнымъ существованіемъ людей, служащихъ обществу трудами ума своего, какъ воить служить ему на пользу брации, судія въ храмахъ закона, торговецъ на сибирѣ промышленности.

Сіи соображенія, сіи примѣненія наблюдений общихъ къ положенію частному, въ конторѣ находимся, родились въ умѣ моемъ при мысли обозрѣть жизнь и труды Фонъ Визина. Готовясь къ сему начертанію, зинѣ ходилось вникнуть въ свой предметъ, обойти его со всѣхъ сторонъ и коснуться до предѣловъ, ему соприкоснувшихъ. Я не боюсь проникненія и плодовитости, можетъ быть опѣтъ того, что не умѣю